

браков португальцев с представительницами коренных негроидных этносов. Это мулаты, или, как их обычно называют, метисы (кабритуш, мулатуш и кафузуш), говорящие по-португальски.

Среди насущных практических проблем современного ангольского государства — актуализация определения факторов и механизмов сохранения и укрепления или же смены и утраты этноязыковой идентичности (различные варианты этнокультурных и этнолингвистических ориентаций как отражение интегративных и дифференцирующих процессов), выявление критерия идентичности, когда группа идентифицирует и сохраняет себя, т.е. границы «своих» и «чужих». Практика этнических процессов требует также осмысления взаимодействий этнической самоидентификации с владением родным языком и этнической вовлеченностью и осведомленностью о своей этнической культуре.

Следует заметить, что языковая и этнокультурная идентичность зависит от факторов, производных от глобальных процессов и локальных условий развития. Урбанизация, миграции, разные уровни включенности в сферы промышленности и предпринимательства, управления и менеджмента, образования и культуры, а также политика государства (прежде всего меры по сохранению и развитию языков) оказывают влияние на состояние этничности населения, в том числе и на вариабельность внутригрупповых различий уровня развития этнокультурной идентичности, которая, будучи неотъемлемой частью общей социальной идентичности, сосуществует с другими ее формами — расовой, конфессиональной, профессиональной, но прежде всего с гражданской (государственной, или национальной в западно-европейском понимании этого явления) и территориальной, когда, например, представитель народа амбунду осознает себя и ангольцем и африканцем.

А.М. Решетов

**С.П. ТОЛСТОВ И Д.К. ЗЕЛЕНИН:
К ИСТОРИИ ИХ СПОРА ОБ УЧАСТИИ ФИННОВ
В ОБРАЗОВАНИИ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
грант 06–01–00598а

Начало открытого спора С.П. Толстова и Д.К. Зеленина по вопросу участия финнов в формировании великорусской народности, как представляется, следует датировать 1929 г., когда они в апреле 1929 г. на совещании этнографов Ленинграда и Москвы одновременно изложили свои взгляды по этому поводу.

К этому времени Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) был хорошо известен своими трудами и занимал видное положение в отечественной науке [Решетов 2004]. В 1925 г. он, переехав из Харькова, возглавил на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ восточнославянский цикл, был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1926 г. стал научным сотрудником первого разряда МАЭ. К этому времени он уже был автором фундаментального труда «Восточнославянская этнография», изданного в Германии на немецком языке. К теме «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности» на протяжении своей жизни Д.К. Зеленин обращался неоднократно. Впервые как проблему он стал разрабатывать ее еще в Харькове, выступив там с докладом. 23 ноября 1925 г. уже в Ленинграде в ЛОИКФУН'е он вернулся к этой проблеме, а в 1929 г. в первом выпуске сборника этого общества опубликовал статью [Зеленин 1929]. Он особенно протестовал против положения главы марксистского направления в советской исторической науке акад. Н.М. Покровского, утверждавшего наличие в великорусской народности 80 % примеси финской крови.

С.П. Толстов (1907–1976) [Рапопорт, Семенов 2004] к этому времени был еще студентом физико-математического факультета МГУ, где его наставниками были Б.А. Куфтин, В.В. Бунак и Б.С. Жуков. Одновременно он работал: с 1926 г. заведовал этнологическим подотделом Московского Государственного Музея Центрально-Промышленной области, где директором трудился В.В. Богданов, а с 1929 г. состоял научным сотрудником отдела народов Поволжья Центрального Музея народоведения, принимая самое активное участие в их экспозиционной, экспедиционной и научной деятельности. В 1927 г. в журнале «Этнография» увидела свет его первая научная работа «Русские крестьянские постройки», в которой молодой автор критически оценивал прежние классификации русского народного жилища и предложил свою. В 1928 г. Сергей Толстов (ему исполнился всего 21 год!) на основе собственных полевых этнографических материалов издал небольшую книжечку в 34 страницы о народах Центрально-Промышленной области, которую он щедро раздаривал друзьям и посылал с учтиво-вежливыми посвящениями ведущим этнографам. Экземпляр этой книги получил и Д.К. Зеленин [Толстов 1928; экземпляр ее с дарственной надписью автора Д. К. Зеленину хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 849, оп. 3, д. 525)].

Конечно, С.П. Толстов проявлял в те годы большую общественно-политическую активность, но, как можно предполагать с уверенностью, не всеми признаваемую достаточной. Об этом свидетельствует документ, недавно обнаруженный мною в архиве ле-

нинградского этнографа А.Г. Данилина. Его московская корреспондентка некая Юля (личность установить не удалось) в частном письме от 19 декабря 1928 г. Андрею Данилину писала: «О Толстове я должна тебя расспросить. Сейчас поставлен вопрос об его исключении из комсомола за смычку с чуждым элементом — с профессорами и научными работниками. Отсюда отрыв от комсомола и проведение чуждой классовой линии. От тебя я хотела узнать, как он держится, как он проявляет себя как комсомолец в научных кругах вне университета. Ты работник его специальности! Ты встречаешься с ним в этой области чаще, чем мы. Видишь ли, я заинтересована в объектив[ном] подходе к нему. Но, Андрей, вот это все должно быть между нами. Ты понимаешь, конечно, серьезность этого вопроса. Ведь только с тобой я говорю об этом» [Личный архив А.Г. Данилина. Благодарю его дочь Л.А. Данилину за возможность ознакомиться с ним]. Из ответа А. Данилина Юле: «О Т[олстове] обидно, что ты раньше мне не написала. Когда он был здесь, я откровенно ему рассказал о планах левой части молодежи, о борьбе с профессурой и т.д. Внешне он ничем не показ[ал] своего разложения. Безусловно, он талантлив, и профессура, конечно, постаралась вовлечь его в орбиту своего влияния. Но об этом погов[орим] при встрече, буду в Москве 27–30» [Там же]. В конце декабря 1928 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция историков-марксистов. 28 декабря А.Г. Данилин записал в своем дневнике: «С утра сегодня на конференции. Речь Покровского и особенно тезисы доклада Аптекаря «Марксизм и этнография» надолго заставили меня размышлять об этнографии и ее отношении к диалектич[ескому] методу. Послушаем сам доклад. Толстов сказал мне, что этот Аптекарь называет, не стесняясь, Богораза «дурак», что доклад этот Апт[екарь] уже делал в Общест[ве] историков-марксистов с очень поверхностными доводами. Ещё раз послушаем самого, сравним с тем, что известно от самого Богораза и Черныкова» [Там же].

Приведенные материалы позволяют в какой-то мере понять атмосферу, складывающуюся вокруг С.П. Толстова на рубеже 1928–1929 гг., а также позицию его самого. Как можно предположить, С.П. Толстову удалось уйти от разбирательства и возможного наказания. Он не принимал участия в критике своих учителей — репрессированных Б.С. Жукова и Б.А. Куфтина, а перевелся в 1929 г. на историко-этнологический факультет МГУ, который и закончил в 1930 г. Однако следует признать, что складывавшаяся обстановка как вокруг него, так и в науке вообще заставляла С.П. Толстова делать определенные выводы и принимать принципиальные решения. Если на конференции 1928 г. он выступал в союзе с этнографами старшего поколения, то уже ме-

нее чем через полгода он стал яростным критиком «буржуазных элементов».

На совещании этнографов Ленинграда и Москвы в апреле 1929 г. как активист уже сам С.П. Толстов выступал с докладом «Задачи этнологии в социалистическом строительстве» [Стенограмма совещания этнографов Ленинграда и Москвы 05.04.1929 — 11.04.1929 // Архив МАЭ РАН, ф. К-1, оп. 3, д. 7, а также Я. [Кошкин] и Н. М[аторин] Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV — 11/IV 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 110–144]. Не называя имени Д.К. Зеленина, докладчик говорил о наличии среди советских этнографов ученых, недоучитывающих роль финского компонента в формировании русских, что является, по его мнению, замаскированным великорусским, славянским шовинизмом. Не подыгрывал ли здесь С.П. Толстов Н.М. Покровскому? Д.К. Зеленин принял участие в прениях по докладу. Поддержав тезис об участии советских этнографов в социалистическом строительстве, он категорически не согласился с обвинениями русской этнографии в шовинизме. Он подчеркивал, что русская культура полна чуждых элементов, что чистой национальной культуры вообще нет. С.А. Токарев, оценивая позицию С.П. Толстова на совещании, записал в своем дневнике: «Толстов как будто решительно «отмарксизировался» от Куфтина» [Токарев 1995: 161]. Уже и от Б.А. Куфтина, не только от Д.К. Зеленина.

В 1930 г. С.П. Толстов уже на страницах журнала «Этнография» вновь выступил с резкой критикой концепции Д.К. Зеленина [Толстов 1930]. Их принципиальные расхождения сводились к следующему. Д.К. Зеленин признавал участие финнов в формировании великорусской народности на начальных ее этапах, С.П. Толстов утверждал, что основной финский компонент вошел в нее уже после ее формирования.

Казалось бы, это чисто научный спор. Но С.П. Толстов в недопустимо резкой в научной среде, даже в разнузданной форме выступил с откровенно политизированными обвинениями. По его мнению, статья Д.К. Зеленина играла на руку врагам социалистического строительства, а потому призывал вскрыть «реакционную сущность высказывания проф. Зеленина», дать им со стороны марксистской науки жестокий отпор.

Едва ли такое поведение С.П. Толстова правомерно рассматривать как поведение «молодого ученого-честолюбца», хотя, несомненно, честолюбивые амбиции здесь совершенно очевидны. Его позиции следует рассматривать в контексте общей ситуации в стране на рубеже 20–30-х гг. После утверждения новой общественно-политической и социально-экономической формации наступил этап «коренного перелома» идеологии в среде интел-

лигенции, научных работников, борьбы за утверждения марксистского мировоззрения. Ученые старшего поколения понимали, что пришла новая эпоха, и они пытались понять новую идеологию, овладеть ею. Однако отношение к старой профессуре среди марксистов и молодежи, овладевающей марксизмом, было неодинаковым. Такую ситуацию можно было видеть не только в СССР в 20–30-е гг., но и во многих других странах на протяжении XX в., когда в стране менялся политический и экономический строй. Попытка применения марксистского метода содержалась, например, в докладе В.Г. Богоразы «О применении марксистского метода к изучению этнографических явлений», с которым он выступил в январе 1930 г. в этнографической секции Общества историков-марксистов. Но вместо внимательного, уважительного отношения к позиции старого профессора молодые рьяные марксисты, среди которых был и С.П. Толстов, возглавляемые В.Б. Аптекарем, безжалостно громили его. Но среди марксистов были и значительно более умеренные, с трезвой, разумной позицией. Так, на Совещании 1929 г. Я.П. Кошкин говорил о том же проф. В.Г. Богоразе: «Владимир Германович — очень интересный профессор. Он глубже нас всех вместе взятых. Когда он написал свою «Этногеографию», он сказал: я сделал первый шаг к марксизму. Скажите, хорошо это или нет. Я посмотрел и сказал. Успехов почти никаких нет, на марксистском фронте. Владимир Германович не обиделся, потому что он себе отчетливо и ясно представляет, что то дело, которое он делает, и то место, которое он занимает, достаточно почетно и необходимо для нашего государственного строительства и для внедрения марксистских идей в этнографическую науку» [Стенограмма Совещания этнографов Ленинграда и Москвы 05.04.1929 — 11.04.1929 // Архив МАЭ РАН, ф. К–I, оп. 3, д. 7. С. 534]. Такой же взвешенной позиции придерживался и Н.М. Маторин. Умеренное крыло было и среди молодых этнографов, познававших марксизм.

Заклячая тему, не могу не отметить, что еще одну попытку разгрома концепции Д.К. Зеленина С.П. Толстов предпринял в роковом 1937 г., но, к счастью, она не имела последствий. Позднее при жизни С.П. Толстова в написанных о нем статьях эта история спора двух ученых уже не упоминалась [Жданко, Рапопорт, Чебоксаров 1967; Жданко, Итина 1977].

Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., Чебоксаров Н.Н. Сергей Павлович Толстов (к 60-летию со дня рождения) // СЭ. 1967. № 1. С. 130–138.

Жданко Т.А., Итина М.А. Сергей Павлович Толстов // СЭ. 1977. № 2. С. 3–14.

Зеленин Д.К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности // Сборник ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 96–108.

Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 184–232.

Решетов А.М. Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 137–183.

Токарев С.А. Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке). М., 1995.

Толстов С.П. Националы ЦПО. Первая отчетная выставка работ этнологического подотдела Государственного Музея Центрально-Промышленной области. М., 1928.

Толстов С.П. К проблеме аккультурации (в связи со статьей проф. Д.К. Зеленина об образовании великорусской народности) // Этнография. 1930. № 1–2. С. 63–87.

А.Ю. Синицын

О ЯПОНСКИХ ЧАСАХ МАКУРА-ДОКЭЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ И.Ф. ВАН ОВЕРМЕЕРА ФИШЕРА

В японском собрании МАЭ РАН представлено несколько традиционных японских часов *ва-докэй* («японские часы»). Одно из этих устройств — часы *макура-докэй* («часы у изголовья»), числящиеся под инвентарным номером 13–1, восходят к коллекции известного голландского собирателя Иоганна Фредерика ван Овермеера Фишера. И.Ф. ван Овермеер Фишер (1800–1848), служащий голландской Ост-Индской компании, собрал свою обширную (свыше 1200 экспонатов) коллекцию в 1820–1829 гг. во время пребывания в голландской фактории на о. Дэдзима. В 1838 и 1841 гг. часть своей коллекции он отправил в Россию на имя императора Николая I. В ней было немало интереснейших экспонатов, включая картины известных японских художников конца XVIII — начала XIX в., аксессуары гражданского и военного самурайского костюма, культовые принадлежности, предметы быта, макеты японских кораблей и многие другие раритеты. Особый интерес среди этих предметов представляли традиционные японские часы работы «императорского часовщика Jezso» в стеклянном футляре (Опись коллекции № 13 МАЭ РАН, л. 22). Безусловно, такие часы заслуживали специального изучения, однако при попытке найти их в фондах выяснилось, что по музейным документам (имеются в виду результаты проверки фондов 1982 г.) часы считаются утраченными; на месте их хранения была обнаружена лишь деревянная деталь — фрагмент футляра. Осталось также описание этих часов на французском языке, сделанное самим Овермеером Фишером в сопровождении